

К ВЕРШИНАМ МИРОВОЙ БУДДОЛОГИИ: МАХАПАНДИТ Р.САНКРИТЬЯЯНА И Ю.РЕРИХ

История писем, обнаруженных в Дарджилинге

Л.В.Митрохин

В 1959 г. в городе Патне, столице индийского штата Бихар, вышла в свет книга Ю.Н.Рериха «Биография Дхармасвами́на». Эта публикация стала заметным событием в мировой тибетологии, и не только потому, что усилиями выдающегося русского ученого-востоковеда был расшифрован и переведен на английский язык неизвестный тибетский текст. Впервые увидело свет описание Индии, вышедшее из-под пера тибетского монаха-пилигрима, оказавшегося в 1234-1236 гг. в Бихаре. То было оригинальное описание Бихара и буддизма в нем в первой половине XIII века, содержащее важные сообщения о Магадхе, Бодх-Гае, Наланде, о состоянии индо-тибетских отношений, общественной и религиозной жизни в Северной Индии. Путевые отчеты о путешествиях в Индию греческих историков, китайских путешественников и мусульманских купцов известны науке уже многие годы, но впервые ученые и рядовой читатель получили записки очевидца из Тибета об Индии, в частности, о Бихаре, вскоре после того, как он был захвачен мусульманскими завоевателями.

Выражая удовлетворение по поводу необычной публикации, доктор А.С.Артекар, директор «К.П.Джаясвал Рисерч Инститьют» в Патне, не преминул отметить в своем предисловии особые заслуги двух востоковедов, причастных к этой работе: неутомимого исследователя Трипитакачарью Рахула Санкритьяяну, обнаружившего и переснявшего копию рукописи в буддистском монастыре Нартанг в провинции Цанг в Центральном Тибете, и выдающегося путешественника и тибетолога проф. Джорджа (Юрия) Рериха, заведующего сектором философии и истории религии Института востоковедения в Москве, который расшифровал этот тибетский текст с единственной фотокопии, а затем перевел его на английский язык.

Сотрудничество и личная дружба двух выдающихся востоковедов XX века Рахула Санкритьяяны и Юрия Рериха было явлением естественным и закономерным, их объединяли, прежде всего, многие научные интересы: центральноазиатские исследования, буддология, поиск, расшифровка, перевод и комментирование тибетских и санскритских рукописей. Не последнюю роль играл при этом и взаимоободряющий энтузиазм одаренных ученых и патриотов, искренно гордившихся теми странами, которые они от рождения представляли. И наконец, взаимное уважение и восхищение глубочайшими знаниями друг друга, а также смелостью в головокружительных и отчаянных по дерзости экспедициях и путешествиях в самые отдаленные и опасные районы Гималаев. То было содружество двух великих интеллектуалов, одного — из России и другого — из Индии.

Их путь к вершинам мировой буддологии был различным. Современники и многие из биографов Рахула Санкритьяяны характеризовали последнего как уникального самородка — феноменальную личность, одаренную в различных сферах творчества, как лингвиста, новеллиста, автора многих рассказов и пьес, публицистических произведений, путешественника, историка, педагога и выдающегося исследователя... Разумеется, что и для Юрия Рериха Рахул Санкритьяяна был личностью более чем незаурядной.

Будущий выдающийся индийский ученый родился в деревне Пандаха в дистрикте Азамгарх (Уттар Прадеш) 9 апреля 1893 г. Его отец Говардхан Панде был глубоко набожным человеком, но в то же время придерживался либеральных взглядов. Это не могло не оказать влияния на его сына Кедарнатха Панде — таким было от рождения имя Рахула.

Кедарнатх завершил свое начальное образование в школе в Низамабаде, и хотя ему не исполнилось еще и 12 лет, он уже был «женатым» мужчиной, в соответствии с обычаями тех лет. Сам Кедарнатх уже в 1910 году открыто заявил, что его детский брак был фикцией, не имевшей юридической силы, а потому он считал себя совершенно свободным от «супружеских уз». Он уезжает в Калькутту, где начинается его самообразование — поначалу Рахул стал изучать бенгальский язык по расклеенным на стенах афишам. Он уже тогда находился в постоянном передвижении, посещая самые священные места индуизма и буддизма — Девпраяг, Ганготри, Кедарнатх и т.п. К этому времени он уже вполне уверенно справлялся с текстами на санскрите. Когда же Кедарнатх Панде узнал, что одному известному ученому маханту (святому) из Парса Матха требуется достойный ученик и послушник, он без колебаний

идет в услужение маханту. И здесь он усиленно работает над совершенствованием и углублением своих знаний. Вскоре был навсегда забыт безвестный Кедарнатх Панде. По всей округе росла слава о мудром и просвещенном учителе Бабе Рамодаре Дасе. Это случилось в 1912 году.

Весть о свершившейся в России Октябрьской революции Рахул воспринял как событие мирового значения, направленное на трансформацию всего человеческого общества. Он стал по-иному оценивать окружающую его действительность, печальную судьбу индийских народных масс, их вековую нищету и начал задумываться о необходимости их социального и национального освобождения. Это приводит его к решению присоединиться к нараставшему потоку национально-освободительной борьбы. За участие в акциях несотрудничества в Чхапра в 1922 году попадает в тюрьму в Баксаре. Через полгода он выходит из заключения и становится секретарем комитета Индийского национального конгресса в дистрикте Чхапра, но вскоре снова следует арест и двухлетнее пребывание в колониальной тюрьме, в 1923-1925 гг.

Выйдя из тюрьмы, Рахул отходит на некоторое время от политики и уезжает на Цейлон, чтобы отдаться изучению буддизма. Он оставался на острове около полутора лет, а возвратившись в Индию, проследовал в очередные научные экспедиции, сначала — в Непал, а затем — в Тибет. Во второй раз Рахул побывал на Цейлоне в 1931 году. В 1932 году, уже вполне сложившийся ученый, он уезжает в Европу, где встречается с учеными востоковедами Лондона, Парижа, Берлина.

После возвращения из Европы неутомимый путешественник начинает систематические поездки в Тибет в поисках рукописей в буддистских монастырях. Четыре экспедиции позволили ему собрать бесценные рукописи — памятники прошлого, которые он привез на 22 мулах в Бихар, где они сохраняются по сей день в Музее города Патны. Среди них такие бессмертные творения, как «Ваданья» Бхикшу Шантаракшиты, а также «Праманавартика» Дхармакирти. Страстный собиратель буддистских манускриптов, Рахул совершает поездки в Японию, Корею, Маньчжурию. Однако больше всего его привлекает российская школа буддологии, он мечтает встретиться с корифеями российского востоковедения. И вскоре мечта его становится реальностью: в 1935, а затем в 1937 годах он приезжает в Советский Союз.

В нашем распоряжении имеются документы о втором приезде Рахула Санкритьяяны в Россию, в 1937 году. Они были обнаружены индологом Михаилом Сидоровым в московских архивах и бескорыстно переданы автору настоящей публикации.

В первую очередь привлекает внимание оригинал письма крупнейшего российского буддолога академика Ф.Щербатского от 1 января 1937 года, в котором содержатся ходатайство и настоятельные рекомендации относительно целесообразности и особой важности приезда в СССР столь известного и авторитетного тибетолога из Индии, имя которого могло бы сделать честь самым престижным востоковедным центрам. Следует отметить, что сам Рахул Санкритьяяна задолго до периода рассматриваемой нами переписки по поводу его визита в СССР направил академику Щербатскому личное послание, в котором просил о содействии в организации поездки, в частности, в Ленинград для встреч с ведущими российскими буддологами, в первую очередь, с самим Ф.Щербатским, которого он называл своим учителем, скромно относя самого себя к категории «бхикшу» — «монаха», или послушника, ученика.

Приводимый ниже текст письма академика Щербатского руководству тогдашнего ВОКСа (Всесоюзной организации по культурным связям с зарубежными странами) не требует особых комментариев:

01.01.1937. Индийский ученый Рахул Санкритьяяна (Rahul Sankrityayana — так в оригинале, Л.М.) просит меня выхлопотать ему разрешение приехать сюда для совместной научной работы. Он состоит президентом «Bihar and Orissa Research Society», Патна, Индия. Он только что вернулся из большого путешествия по Тибету, где открыл 80 пачек древнеиндийских рукописей на пальмовых листьях. Изданием этих текстов он и хочет заняться здесь со мной и моим учеником проф. Востриковым.

Я считаю большой честью для себя и Советского Союза, что д-р Санкритьяяна, минуя всех ученых Германии, Франции и Англии, обратился к нам. Это, несомненно, имеет большое политическое значение, и было бы непростительным не пойти ему навстречу. Он просит, чтобы виза была ему дана или в Афганистане, или в Иране — Персии!

Надеюсь, что ВОКС снесется с Наркоминделом по вопросу о выдаче визы и, кроме того, позаботится о том, чтобы устроить пребывание у нас д-ра Санкритьяяны на дешевых основаниях, если возможно, предоставить ему квартиру и питание бесплатно. Ввиду того положения, которое он занимает у себя на родине, в высшей степени важно устроить ему хороший и почетный прием.

Академик Ф.Щербатской

К счастью, в руководстве ВОКСа в Москве просьба знаменитого востоковеда не осталась без внимания, и через относительно короткий промежуток времени в письме 1937 года уполномоченному ВОКСа в Ленинграде тов. Орлову (Ленинград, ул.Лесная, 2) от 2 апреля говорилось

о том, что Наркоминдел может предоставить визу «индусскому ученому Санкритьягону» (так было транскрибировано имя Рахула Санкритьяяны из-за неразборчивости почерка акад. Щербатского — Л.М.) в любое время, причем рекомендует ему приехать в СССР через Тегеран. Далее содержалась просьба «уведомить об этом академика Щербатского в самый короткий срок».

Выбор маршрута Рахулом Санкритьяяной именно через Тегеран определялся, видимо, целым рядом причин: вне всякого сомнения, ему было гораздо проще выехать из Индии в Иран, чем путешествовать в СССР через Великобританию или другую страну Европы, на что английские власти, как в Дели, так и в самой британской столице, почти наверняка не дали бы ему разрешения. Во-вторых, путешествие из Ирана, пересекая среднеазиатские и закавказские советские республики, давало ему возможность проследовать по местам, история которых становилась основным предметом его будущего монументального труда о Центральной Азии.

Нам, тем не менее, пока не известно, каким образом Рахул добрался до иранской границы, а затем и до Тегерана, где, однако, в Советском посольстве визу ему давать не торопились. Шел 1937-ой, и любой иностранец вызывал пристальное подозрительное отношение соответствующих служб тогдашней советской бюрократии. Вряд ли об этом мог знать сам Рахул Санкритьяяна, он терпеливо ожидал в Тегеране разрешения на поездку: об этом мы узнаем из его телеграммы на английском языке, отправленной на имя и адрес академика Ф.Щербатского в Ленинград, видимо, в начале июля 1937 года: «Waiting, arrange visa» — «Ожидаю, помогите с выдачей визы!»

И снова академик Щербатской решительно вмешивается, и только благодаря его усилиям и настойчивости бюрократические проволочки медленно, страшно медленно, но начинают преодолеваются. Академик писал уполномоченному ВОКСа: «Ссылаясь на письмо ВОКСа от 9 июля 1937 года, сообщаю, что индийский ученый Санкритьяяна находится в Тегеране, где ему визы не дают».

Пройдет почти четыре (!) месяца, прежде чем кордоны Страны Советов, наконец, распахнут свои ворота, и Р.Санкритьяяна окажется на обетованной земле. Он должен был прибыть из Ирана в Баку 9 ноября 1937 года. Это становится ясным из очередного письма заведующего Восточным отделом НКВД Н.Муратова, адресованного заместителю Уполномоченного ВОКСа в Ленинграде тов. Вильму от 14 ноября 1937 года: «Уважаемый тов. Вильм! По сообщениям НКВД индусский ученый

Санкритьяян должен был прибыть в Баку 9/XI с.г. Академику Щербатскому должно быть известно о положительном решении вопроса через академика Струве, которому НКИД сообщил в Москве о выезде ученого из Ирана».

Казалось бы, все точки над «и» расставлены, и вопрос с прибытием в СССР Рахула Санкритьяяны действительно решен! Но не тут-то было: Народный комиссариат по иностранным делам снова «потерял» «индусского ученого» — тот же Н.Муратов направил тому же тов. Вильму новое очередное послание (от 10 декабря 1937): «Уважаемый тов. Вильм! Просим Вас подтвердить прибытие в Ленинград индусского ученого Санкритьяяны, о проезде которого через Москву у нас никаких сведений не имеется. По сообщениям НКИД он уже приступил к научной работе в Ленинграде. Сообщите также, обращался ли он в ЛЕНВОКС с просьбой о культурном обслуживании, и если да, то какие объекты ему были показаны. Было бы очень желательно, чтобы этот крупный ученый не остался вне поля внимания ВОКСа».

Оставим на совести достопочтенного заведующего Восточным отделом НКИД СССР неспособность отличить термин «индусский» от «индийский», а также его псевдозаботу о том, чтобы индийский гость не остался бы без внимания и культурного обслуживания; главное заключалось в том, что мытарства Рахула Санкритьяяны с его затянувшимся почти на полгода «путешествием из Тегерана в Ленинград» в конце концов закончились...

Трудно сказать, знал ли о новых приключениях Рахула Юрий Николаевич Рерих, который только что завершил вторую Центральноазиатскую экспедицию. На этот раз вместе со своим именитым отцом он исследовал некоторые районы Китая и, в частности, пустыни Гоби.

Ю.Н.Рерих был моложе Р.Санкритьяяны, он родился в 1902 году в России. Его путь к вершинам мировой тибетологии отличался особым своеобразием. В семнадцать лет он начал серьезно заниматься персидским и санскритом в Лондонском университете. В 1920 году продолжил учебу в США, в Гарвардском университете, и окончил его в 1922-м. Завершается его образование в Париже. В Сорбонне, тогдашнем крупнейшем центре европейского востоковедения, Юрий Рерих в 1923 году получил звание магистра.

К этому времени Юрий Николаевич становится неразлучным и незаменимым сотрудником и помощником отца, Николая Константиновича Рериха. В 1925-1928 гг. совершает с ним и своей матерью Еленой Ивановной грандиозную Центральноазиатскую экспедицию. Он прожил

в Индии около тридцати лет. Возглавлял основанный Н.К.Рерихом Институт гималайских исследований «Урусвати» в Наггаре (Кулу), преподавал в Калимпонге. Вторая Центральноазиатская экспедиция Рерихов проходила в 1934-1935 гг.

Известный индийский государственный деятель, дипломат и ученый К.П.Ш.Менон называл Юрия Рериха энциклопедистом, подчеркивая, что Индия и, в особенности, Гималаи оказали на него огромное влияние. «Никто так глубоко не исследовал Гималаи и не изучал языки, религии, обычаи, нравы гималайских народов, как д-р Юрий Рерих, — отмечал К.П.Ш.Менон. — Эти исследования представляют величайший интерес, ибо Гималаи, которые раньше были бездействующей границей между Индией и Китаем, пробудились к жизни».

Возвратившись в 1957 году в СССР, Юрий Рерих занимался исследовательской работой, продолжая дело, начатое в Индии, способствуя дальнейшему развитию востоковедения в Москве.

Когда же началось сотрудничество Ю.Н.Рериха с Рахулом Санкритьяной?

Я беседую с крупным индийским специалистом по центральноазиатским цивилизациям, многие годы возглавлявшим Департамент центральноазиатских исследований университета им. Дж.Неру в Дели, профессором Рам Рахулом. Он руководил также Институтом тибетских исследований, который находится в Гангтоке, столице индийского гималайского штата Сикким.

«Этот Институт, — рассказывал профессор, — в значительной степени обязан своим существованием Ю.Н.Рериху, его смело можно назвать детищем моего друга Джорджа. Я горжусь тем, что могу назвать себя его близким другом».

Рам Рахул вспоминал, что его первая встреча с семьей Рерихов состоялась в 1946 году, хотя о существовании созданного ими научно-исследовательского института в долине Кулу он знал значительно раньше, еще в 1943 году, будучи студентом, когда изучал ламаизм и Тибет в целом. Во время своих путешествий в Гималаях ему не раз приходилось слышать: «А здесь останавливались русские!» Однако более подробно о Рерихах ему говорил Гьяган Терчин, известный тибетский ученый, который был связан со знаменитой семьей долгие годы. Вторым человеком, который с уважением и почтением отзывался о Рерихах, был учитель Рам Рахула — известный итальянский востоковед, профессор Туччи, удостоенный уже в преклонном возрасте звания лауреата Международной премии им. Джавахарлала Неру.

«Когда речь зашла о продолжении моего образования и необходимости, как мне тогда казалось, осуществить это в Европе или в Америке, — вспоминал Рам Рахул, — профессор Туччи сказал: зачем вам куда-то ехать, у вас в Индии имеется лучший институт тибетских исследований. Так я оказался в Институте гималайских исследований “Урусвати” в Кулу. По-разному интерпретируется это слово санскритского происхождения. “Урусвати” можно перевести как “утренняя звезда”. Но я склонен считать, что Рерихи вкладывали в это название и другую символику: санскритское “урус” — “русский”, по-моему, несло в себе национальную принадлежность этого уникального научного центра, ибо за долгие годы общения с Юрием, его матерью, братом Святославом я усвоил для себя раз и навсегда, что Россия занимала все их помыслы, все чувства».

После смерти Н.К.Рериха в декабре 1947 года, Юрий с матерью уехал в Кандхалу, вблизи Бомбея, а затем в Калимпонг, который в то время был важным местом изучения Тибета. Здесь собирались светила гималайских исследований. Сюда переехал из Массури и Рахул Санкритьяяна, который тесно дружил с Юрием и очень любил его. По всей вероятности их знакомство состоялось гораздо раньше, но именно здесь началось плодотворное сотрудничество...

Случайная беседа с профессором Рам Рахулом совсем неожиданно получила свое продолжение, когда в моем распоряжении оказались письма Ю.Н.Рериха, адресованные Р.Санкритьяяне в 1953-1959 гг. История их обнаружения такова: в одной из своих поездок в город Мирут (в 70 км от Дели) я познакомился с семьей бизнесменов Даялов, у которых есть собственное имение в окрестностях Дарджилинга в штате Западная Бенгалия, неподалеку от дома вдовы Рахула Санкритьяяны. Упоминание имени Рерихов во время нашей беседы вызвало большой интерес у моих новых знакомых, и можно только представить мое удивление, когда некоторое время спустя я получил по почте оригиналы писем Юрия Николаевича, сохранившиеся в архиве вдовы, а также несколько фотографий, на которых Рерих запечатлен в кругу семьи Санкритьяяны. К сожалению, письма хранились в обычных домашних условиях, и время их не пощадило. Тем не менее, практически все письма удалось восстановить, утраченными оказались лишь отдельные строчки на истлевших от влаги бумажных листах.

Первое письмо, датированное 4 мая 1953 г., было направлено из «Крукети» — так называлось поместье в Калимпонге, где Ю.Рерих жил вместе со своей матерью Еленой Ивановной. Вот его текст в переводе с английского на русский:

Мой дорогой друг,

Большое спасибо за Ваше письмо от 27 прошлого месяца. Я так был рад снова получить от Вас известие. Когда выходят Ваши книги? Опубликовал ли «Джаясвал инститьют» вновь открытую «Бхашью» к «Праманавартике»? Я был очень обрадован, когда узнал, что д-р Алтекар проявляет интерес к тибетским исследованиям. В прошлом я пытался заинтересовать их всех привлечением к исследованиям студентов, но все мои старания не увенчались успехом. И тем не менее, я был очень рад сотрудничать в редактировании тибетских материалов, привезенных Вами. Для начала не смогли бы Вы оказать содействие во временном предоставлении мне рукописи «Путеводитель переводчика Чага» (Чаг-лоцава Чой-де-пэл, 1147-1265), включенной в Вашу коллекцию и хранящейся в Музее Патны? Рукопись «Путеводитель» содержит описание Махабодхи и представляет собой очень важный текст.

Второй том моих «Голубых анналов» все еще в типографии, «Грамматика тибетского разговорного языка» — в типографии Баптистской миссии в Калькутте, а монография о диалекте Амдо с выдержками из «Сказания о Гесере» будет опубликована Бриллем в Лейдене. К сожалению, большинство моих книг упаковано в ящики в Кулу, а часть из них — в Бомбее, и в настоящее время я не имею к ним доступа. Я проверю, чем я располагаю у себя здесь. В библиотеке Русского департамента Делийского университета имеется немало книг о Центральной Азии, среди них — переиздание «Монголии и Кам», а также книга Обручева о Монголии. При случае Вы можете с ними ознакомиться, когда будете в Дели. Заведующий департаментом В.А.Шибаяев, которого Вы знаете, сейчас в отпуске в Дальхаузи и возвратится в Дели в июле.

С наилучшими пожеланиями,

искренне Ваш Ю.Рерих

P.S. В номере за месяц вайшакха* журнала Общества Махабодхи будет моя статья о Дампа Сангьей.** Я пришлю вам оттиск.

К сожалению, в нашем распоряжении нет упомянутого выше письма Р.Санкритьяны, а также других ответных его писем. Вероятно, что они могут храниться в архиве Международного центра Рерихов в Москве. Но как бы то ни было, приведенное письмо ярко свидетельствует о совпадающих научных интересах и совместных исследованиях Юрия и Рахула в буддологии и других направлениях востоковедения.

Второе письмо, опять-таки из «Крукети», датированное 17 августа, судя по его содержанию, было направлено также в 1953 году. В нем Ю.Н.Рерих благодарит Р.Санкритьяну за ответную открытку от 30

* Вайшакха — первый месяц индийского календаря (апрель-май).

** Дампа Сангьей (dam-ra sangs-gyuas) — великий тибетский Учитель XI в., основатель школы Ши-чже («Успокоение страданий»), почитается как воплощение Гуру Падмасамбхавы.

июля, а также просит помочь в розыске нескольких манускриптов, которые находятся в коллекции тибетских рукописей в Музее Патны. Рерих сообщал, что находится в постоянной переписке с д-ром Алтекарсом, но нужных материалов он и работники музея найти не могут, хотя, по данным одного тибетолога, интересовавший его манускрипт несомненно находится в коллекции. «Возможно, он был каталогизирован, — пишет Рерих, — под другим названием. Второй том моих “Голубых анналов” медленно продвигается к завершению. Вы получите копию публикации. Моя монография о диалекте Амдо публикуется в Лейдене». Далее говорится о том, что в распоряжении автора письма имеется совсем мало книг по интересующим Р.Санкритьяну проблемам Центральной Азии. (К сожалению, именно это письмо оказалось наиболее испорченным и местами недоступным для расшифровки — Л.М.) В то же время, Ю.Н.Рерих обещает направить Рахулу книгу Каррутерса «За Каспием» (Beyond the Caspian) — «его путешествия по Туркестану, Джунгарии и Монголии», а также книгу Франка «Пустыня Гоби» (The Gobi Desert). Письмо заключается следующими словами:

А.Востриков, должно быть, уже на свободе. Вы ничего не получали от них? Да, действительно трудно публиковать книги. Книга моего отца находится в издательстве «Китаб Махал», ул. Перо, в Аллахабаде с 1946 г., и я столкнулся с трудностями в публикации этой книги или с возвратом рукописи книги. Я попросил д-ра Д.Саркара из «Амриты Базар Патрики» посодействовать мне в этом деле. Пока безрезультатно. Шибаяев вернулся в Дели. Вы можете попросить у него книги Обручева и Козлова или ознакомиться с ними, когда будете в Дели.

С самыми добрыми приветами от всех нас,

искренне Ваш Джордж

Посланное почти три года спустя очередное письмо Ю.Н.Рериха датировано 27 января 1956 года, оно также отправлено из Калимпонга и непосредственно касается перевода тибетской рукописи.

Дорогой друг,

Заканчиваю переписывать мой перевод Хождения в Индию Чаг лопца-вы, рукопись из Вашего собрания в Патне. Прошу спешно сообщить мне, в каком монастыре вы нашли эту рукопись. Нартханг или Са-кья? В тексте цитируется известная шлока, принадлежащая Вараручи:

*Umayā saha Rudraḥ / Ś amkaraḥ saḥa Viṣṇunā /
tatṁ-khatvāṅga-ś ūlapāniḥ / rakṣantu Ś ivah sadā /*

Та же шлока дается Таранатхой в несколько иной редакции:

*Umayā sahito Rudraḥ / Śaṁkaraḥ sahito Viṣṇuḥ /
tāmkāraś-ūlapāniś ca / rakṣantu Ś iṣaḥ sarvadā /*

Слово *tāmkhātvaṅga* как будто неизвестно. Автор склонен считать это за одно слово.

В тексте также упоминается столица Тирхута — Пара или Пата. В одном месте стоит Па-та, в другом Па-ра.

Буду благодарен за скорейший ответ.

Всего хорошего,

Ваш Ю.Рерих

Приведенное выше письмо, написанное по-русски, так же как и последующее, являет собой яркий пример научного содружества и творческого поиска двух ученых и, кроме того, демонстрирует тот факт, что Ю.Н.Рерих ни в коем случае не считал зазорным лишней раз убедиться в научной достоверности своих трудов у своего старшего друга, познания которого в тибетских штудиях он признавал самыми авторитетными. Последнее из писем, отправленных Ю.Н.Рерихом Рахулу Санкритьяяне в Индии, датировано 22 ноября 1956 года. В следующем году Юрий Николаевич покидает Индию, чтобы по завету матери начать работу по возрождению буддистских исследований в Москве. Он полон всевозможных планов, находясь в расцвете своего творческого гения, уверенный в будущих свершениях и открытиях.

Крукети, 22 ноября 1956

Мой дорогой друг,

Премного благодарен за Ваше письмо от 17 (ноября). Я очень рад, что Вы смогли оказать помощь бурятским монахам. Но весьма странно, что у них не оказалось переводчика. Если Вам снова доведется встретиться с преподобным Геше Стирапом Джамцо, пожалуйста, передайте ему привет. Представился ли Вам случай, чтобы объяснить преподобному Амритананде мое отсутствие? Был ли профессор Туччи среди делегатов? Я отправляю на Ваш адрес в Массури следующие двадцать «каррик» Прамана Вартики. Да, мы должны завершить эту работу. «Комментарий» Уюг-па* имеется в двух изданиях: *Tashilhumpo* и *Khams*. Первое находится под печатью, а потому я подал прошение, чтобы мне сделали отдельную копию. Пожалуйста, пришлите мне Ваш указатель к «Праманавартике». И, пожалуйста, передайте от всех нас наилучшие пожелания Вашей семье.

Дж.Рерих

Наконец, последнее из присланных мне моими мирутскими друзьями писем из Дарджилинга (оригиналы писем были мной, естественно, возвращены их законной владелице) датировано 8 октября 1959 г.

* Уюгпа Ригпэ Сенге (Uyug-ra-rigs-ra'i-senge) — ученик Сакья-пандиты Кунга Гьялцэна (1182-1251), автора популярного в Тибете комментария к «Праманавартике».

Единственное, которое было отправлено из Москвы — за несколько месяцев до кончины Юрия Николаевича. В письме говорится:

Мой дорогой друг,

Я был счастлив получить Ваше письмо от 22 сентября из Калькутты. Поздравляю Вас с новым назначением. Я ничего не слышал о переводе «Праманавартики». «Библиотека Буддика» будет продолжена, и мы будем иметь возможность опубликовать наш перевод в этой серии. Мой словарь продвигается. Я постараюсь направить вам гранки. Моя «Тибетская грамматика» выйдет в феврале-марте будущего года. Видели ли Вы мою монографию по диалекту Амдо, опубликованную Туччи в Риме? Пожалуйста, напишите д-ру Алтекару о моей книге, она давно должна была выйти. Мы все заняты подготовкой к Международному конгрессу востоковедов в будущем году. Я несколько недель был в Монголии. Обязательно напишите мне о тибетских исследованиях в Индии. Открылся ли институт в Гантоке? Здесь интерес к индо-тибетским исследованиям весьма значительный. В прошлом году у меня было шесть студентов, а в этом году — шестнадцать. Как Ваше здоровье, как семья? Где сейчас Ананда Каусальяян? Передайте ему привет. Я был бы рад получить его соображения.

Искренне Ваш Дж.Рерих

Это письмо оказалось, как отмечалось выше, последним. В мае 1960 года ушел из жизни Юрий Николаевич Рерих. Рахул Санкритьяяна пережил его ненадолго. Причем его последние годы были отмечены тяжелой неизлечимой болезнью. Но он прожил яркую, полную нескончаемых поисков, приключений, находок и свершений жизнь! После возвращения из Советского Союза перед началом Второй мировой войны он снова едет в Афганистан, а затем, в четвертый раз, в Тибет. Затем последовали тюрьмы и аресты, после того как Компартия Индии была объявлена вне закона. Вступивший в КПИ в октябре 1939 года Рахул уходит в подполье, а в марте 1940 года полиция выслеживает его. В «Деоли Кэмп», печально знаменитой политической тюрьме колониальной Индии, он впервые встретился с лидерами КПИ — С.А.Данге, Аджомом Гхошем, С.В.Гхате, д-ром Ашрафом, Сохан Сингхом Джошем и др. За два тюремных года им было написано очень много, в том числе известные «От Волги до Ганги», «Земля Советов» и более десятка других книг и брошюр на хинди и бходжпури.

В 1942 году ему удается вырваться из тюрьмы. Он узнает, что один из крупнейших востоковедов России академик Щербатской умер, и прилагает все силы, чтобы выехать в Россию. Представляется, что в этой связи будет уместным привести документ, который характеризует личность Рахула Санкритьяяны еще с одной стороны.

Шел 1943 год. Политическим отделом Департамента внутренних дел колониального правительства было перехвачено письмо Р.Санкритьяяны от 14 июля 1943 г., адресованное в Ленинград Е.Н.Козеровской, в котором, в частности, следующие строчки: «Я не хочу оставаться простым наблюдателем в этой великой борьбе против фашистского варварства. Именно в этой борьбе решается судьба человечества. По крайней мере, мое перо и речь в чем-то пригодились бы там. Но прежде чем отправиться в СССР, мне необходим паспорт, я пытаюсь его получить, но для этого понадобится время».

Бюрократические проволочки колониального правительства продолжались вплоть до 1945 года. И тем не менее, в 1945-м Рахул приехал в Ленинград, где преподавал санскрит в Ленинградском университете. Здесь незаметно пролетели 25 месяцев напряженной работы, здесь он создает свою знаменитую книгу на хинди «25 месяцев в России» и собирает материалы для своего главного труда по истории Центральной Азии. Рахул Санкритьяяна возвращается на родину 17 августа 1947 года, два дня спустя после провозглашения независимости Индии. Его вскоре избирают президентом «Всеиндийского литературного общества». И в то же время наступает разрыв с руководством КПИ вследствие расхождений во взглядах по вопросу о языковой политике. Ученый не оставляет своих трудов, он готовит «Тибетско-санскритский словарь».

Наступает новый этап его деятельности, результатом которого явилась «История Средней Азии» в двух томах. Он завершает этот труд в Массури, где приобретает дом и вскоре женится на Камале Парияр.

В 1959 году Рахул в очередной раз уехал в Шри Ланку, где вел занятия по санскриту. Он завершает «Тибетско-хинди словарь» и ряд других трудов. В 1961 году он серьезно заболел и уехал на лечение в СССР. Улучшения не наступило и 14 апреля 1963 г. в возрасте 70 лет Рахул Санкритьяяна скончался.

«Его смерть — огромная утрата для литературы хинди, — заявил президент Индии Джавахарлал Неру. — Он был одним из величайших ученых нашей страны, и его смерть — потеря для санскритской и пали литературы». «Он принадлежит по рангу к таким ученым, как Нагарджуна и Ашвагоша», — считает секретарь «Общества Махабодхи».

Индия высоко оценила своего сына. Автор капитальных трудов (его перу принадлежит 150 книг) Рахул получил премию Литературной Академии и титул Падма Бхушан. За мастерское владение санскритом Ученый совет центра традиционной науки города Каши (Варанаси, Бенареса) присвоил ему звание «великого ученого» — Махапандита.